
А. М. СЕЛЕЗНЕВ

**ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС:
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ФОРМАЦИИ, ЦИВИЛИЗАЦИИ
И МЕЖФОРМАЦИОННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ**

Поскольку фундаментом марксистского обоснования революционной смены капитализма социализмом являлось учение об общественно-экономических формациях, то не удивительно, что в полемике с западными учеными советские философы, историки, социологи главный упор делали на защите теории общественно-экономических формаций, на обосновании закономерности революционного перехода от низшей формации к высшей. Из тех же идеологических соображений в трактовке цивилизации советские исследователи долгое время, как правило, не выходили за рамки тех положений Ф. Энгельса, которые были высказаны им в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), где цивилизация характеризуется, прежде всего, как общественное состояние, противоположное, с одной стороны, первобытнообщинному строю, а с другой – коммунизму, то есть не выходили за рамки перечисления общих черт, присущих всем сложившимся классово-антагонистическим обществам. Античная цивилизация при этом отождествлялась ими с рабовладельческой формацией, западноевропейская средневековая цивилизация – с феодальной формацией.

На рубеже 1920–1930-х гг. в советском обществоведении началась дискуссия об азиатском способе производства. Вопрос стоял так: является ли азиатская общественно-экономическая формация разновидностью рабовладельческой или феодальной формации или представляет собой особую общественно-экономическую формацию? В итоге дискуссии мнение тех, кто доказывал, что азиатскую общественно-экономическую формацию надо рассматривать как особую формацию, было отвергнуто. Верх взяла точка зрения, согласно которой азиатский способ производства для древних веков

надо рассматривать в качестве разновидности рабовладельческого, а для Средних веков и Нового времени – в качестве разновидности феодального способа производства.

В начале 1960–х гг. многие советские ученые, прежде всего востоковеды, пришли к убеждению, что накопившийся исторический материал требует существенной корректировки концепции общественно-экономических формаций, так как реальная история государств Древнего Востока и средневековых государств Азии и Африки не укладывается в понятия рабовладельческой и феодальной формаций. В исторической науке сложилась достаточно острая проблемная ситуация. Для выхода из возникшего затруднения необходимо было или обосновывать необходимость признания особого азиатского способа производства, или вводить понятие «локальная цивилизация». В исторической и философской науке по вопросу об азиатском способе производства разгорелась вторая дискуссия. Сторонниками концепции этого способа производства были предприняты попытки разместить азиатскую формацию на лестнице сменяющих друг друга общественно-экономических формаций между первобытнообщинной и рабовладельческой формациями.

В 1960–1970-х гг. советскими и зарубежными обществоведами было доказано, что в одних случаях К. Маркс, определяя понятие «общественно-экономическая формация», ограничивался указанием на то, что в качестве общего признака для группы социальных организмов, составляющих ту или иную конкретную формацию (азиатскую, античную, феодальную), является качественно особый тип производственных отношений; в других же случаях, когда требовалось показать, что различные общественно-экономические формации (феодальная, капиталистическая) представляют собой качественно особые стадии общественного развития, он вводил в определение формации также и указание на степень развития производительных сил, от которой всецело зависят качественные особенности ее экономического строя.

Отсюда следовало, что если употреблять понятие «общественно-экономическая формация» в первом, узком, смысле слова, то вроде бы несомненные социально-экономические отличия восточных обществ от античного и средневекового дают основание для выделения особой азиатской формации на исторической лестнице

формаций. Но если употреблять понятие общественно-экономической формации в широком смысле слова или, иначе, если строго следовать тезису К. Маркса, что в основе способа производства, а следовательно, и общественно-экономической формации может лежать лишь вполне определенная ступень развития производительных сил и что качественное различие между типами формаций следует, прежде всего, объяснять качественным различием ступеней развития производительных сил, на которых они покоятся, то приверженцы концепции азиатской формации должны были бы обосновывать качественное отличие производительных сил азиатской формации от производительных сил рабовладельческой и первобытнообщинной формаций.

Поскольку доказать это оказалось невозможно, то гипотеза азиатского способа производства как особой стадии общественного развития фактически повисла в воздухе. Сомнительность этой гипотезы подкрепляется еще тем несомненным фактом, что общества, аналогичные по своей социально-экономической и политической структуре древним обществам Египта и Двуречья III тыс. до н. э., мы находим в Центральной и Южной Америке, а также Центральной Африке в I тыс. н. э. Именно с такого рода обществами столкнулись испанские конкистадоры в Мексике и Перу в начале XVI в.

Реальным результатом второй дискуссии об азиатском способе производства оказалось то, что историки все больше стали обращать внимание, с одной стороны, на специфику переходного состояния общества от первобытнообщинного строя к классово-антагонистическому или, иначе, на специфику данной межформационной общественно-экономической революции, а с другой – на специфику исторических линий развития различных совокупностей социальных организмов, локализованных в пространстве и времени. В этом отношении весьма показательной была статья Л. С. Васильева и И. А. Стучевского, опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1966 г.¹

Дискуссия об азиатском способе производства привела к теоретическим последствиям, о которых, судя по всему, и не помышляли ее инициаторы в начале 1960–х гг.

¹ Васильев, Л. С., Стучевский, И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // Вопросы истории. 1966. № 5.

Первое из них состояло в отрицании наличия коренного качественного различия в материально-производственной базе рабовладельческого античного Средиземноморья, феодальной средневековой Западной Европы и восточных социально-политических образований древнего, средневекового и в значительной степени Нового времени.

Известный ученый-востоковед В. П. Илюшечкин в своих трудах² доказал, что социально-экономический и политический строй социальных организмов Европы, Азии и Северной Африки в древности, в Средние века, а также в Новое время основывался на одной и той же ступени развития производительных сил – земледелии, скотоводстве и ручном ремесле, хотя и то, и другое, и третье претерпели значительную эволюцию с момента их появления. Одновременно он доказал, что в экономическом отношении древневосточная (азиатская), рабовладельческая и феодальная формы собственности на средства производства, а также соответствующие им способы соединения рабочей силы со средствами производства и формы эксплуатации являются лишь разновидностями одной и той же по своему характеру рентной собственности, рентного соединения рабочей силы со средствами производства и рентной эксплуатации.

В трудах доктора исторических наук, доктора философских наук В. П. Илюшечкина ставится и решается целый ряд проблем теории общественно-экономических формаций. Среди них, например, вопросы о необходимости очищения теории общественных формаций от всего устарелого, не соответствующего современному уровню научных знаний, от чуждых ей наслоений периодов сталинского авторитаризма и брежневского застоя, о восстановлении ее основных теоретических и методологических положений применительно к указанному уровню, разработка вопросов о единых общих основаниях (критериях) при определении и различении общественных способов производства и общественно-экономических формаций, о наличии в теории общественных формаций двух разных по своему смысловому значению систем одноименных и почти одноименных категорий, которые неосознанно принимаются за единую целостную систему, что придает теории общественно-экономичес-

² Илюшечкин, В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986; Он же. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (опыт системно-структурного исследования). М., 1990.

ких формаций двойственный и противоречивый характер, и целый ряд столь же важных и сложных проблем.

Методологическую основу концепции В. П. Илюшечкина составляет то совершенно бесспорное положение, что Марксова теория общественно-экономических формаций по своей наиболее глубокой сущности является теорией стадийного развития общества как саморазвивающейся системы на базе и под воздействием стадийного же (ступенчатого) развития его материальных производительных сил и производства и что именно этим она отличается от всех прочих концепций стадийной общественной эволюции. С данным основополагающим положением органически связан развиваемый В. П. Илюшечкиным столь же важный и бесспорный тезис, что основу и интегративное ядро каждой из общественно-экономических формаций составляет свойственный ей общественный способ производства, представляющий собой диалектическое единство определенной формационной ступени развития производительных сил и обусловленного ею в конечном счете исторического типа производственных отношений. Согласно этой концепции, каждый из общественных способов производства должен определяться и отличаться от всех остальных со стороны формационной ступени развития производительных сил по свойственному ей историческому типу производственной техники, опредмечивающему (заменяющему) последовательно одну из основных трудовых функций работника (двигательно-энергетическую, рабочую, контрольно-логическую) и выступающему в роли фиксатора всей системы производительных сил на данной ступени, а со стороны исторического типа производственных отношений – по типу экономической реализации господствующих отношений собственности на средства и условия производства в процессе производства и распределения, или – что одно и то же для классовых обществ – по господствующему типу (именно типу, а не форме) частнособственнической эксплуатации (докапиталистическая рента в ее земельной, земельно-личностной и личностной разновидностях и прибавочная стоимость).

Руководствуясь данной методологией, В. П. Илюшечкин на основе анализа соответствующего фактического материала и основных положений теории общественно-экономических формаций достаточно убедительно показал, что названия азиатский, античный (рабовладельческий) и феодальный «способы производства»

ни с той, ни с другой стороны не соответствуют понятию «общественный способ производства», тем более что представляют собой в сущности лишь иные наименования восточной, рабовладельческой и феодальной стадий общественной эволюции, выведенные предшественниками К. Маркса (А. Сен-Симоном и Г. Гегелем) на основе далеких от марксизма мировоззренческих и методологических принципов и вне какой-либо связи с развитием производительных сил, то есть достаточно произвольно. Поэтому он, установив, что данным стадиям был свойствен в действительности лишь один общественный способ производства, характеризует его на основе соответствующих высказываний К. Маркса как потребительно-стоимостной или докапиталистический рентный, составлявший основу и интегративное ядро единой сословно-классовой цивилизации, к которой относятся все без исключения сословно-классовые общества древности, средневековья и Нового времени.

Содержащаяся в книгах В. П. Илюшечкина критика направлена, прежде всего, против вульгарной сталинской интерпретации теории общественно-экономических формаций. Как явствует из книг, создатель этой вульгарной интерпретации, во-первых, неправоммерно свел ступенчатое развитие системы производительных сил к однолинейно-эволюционному развитию техники³ и, во-вторых, *не отвергая формально* идею К. Маркса о ступенчатом характере развития производительных сил, соответственно которому должны определяться и различаться соответствующие исторические типы производственных отношений, общественные способы производства и формационные стадии развития общества, он *фактически заменил ее своей собственной идеей*, согласно которой эволюционные «характеры», «состояния» и «уровни» производительных сил должны определяться историческими типами производственных отношений⁴, в том числе произвольно выделенными предшественниками К. Маркса по соответствующим столь же произвольным «эталонам» в качестве основных стадий общественной эволюции.

Последнее как раз и позволяет некоторым нашим авторам либо придавать третьестепенное значение проблеме производительных сил, либо вообще игнорировать ее и на основе указанной интерпре-

³ См.: Сталин, И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953. С. 593.

⁴ См. там же. С. 594–595.

тации создавать столь же произвольные схемы и конструкции, «творчески» развивая и углубляя вульгарную сталинскую интерпретацию теории общественно-экономических формаций. Именно поэтому книги В. П. Илюшечкина, на наш взгляд, представляют собой нужные и полезные исследования, которые помогут непредубежденным читателям избавиться от насаждавшихся в течение длительного времени авторитарных догм в области теории исторического процесса.

Концепция В. П. Илюшечкина, на наш взгляд, ни в коей мере не затрагивает основы материалистического понимания истории, она лишь существенно корректирует наши представления о вторичной формации, вносит значительный вклад в политическую экономию докапиталистического классово-антагонистического общества, доказывает принципиальное единство основных экономических законов функционирования цивилизаций Древнего Востока, Центральной и Южной Америки, а также античной, западноевропейской христианской, арабо-мусульманской, индийской и китайской цивилизаций. С первым следствием второй дискуссии об азиатском способе производства органически связано и его второе следствие: потребовалось внести существенную корректировку в социально-философскую трактовку социальной революции, причем настолько заметную, что приходится говорить о новом этапе ее развития.

Человеческое общество, представленное в каждый данный момент множеством разнообразных социальных организмов, в своем развитии претерпевает как эволюционные, так и революционные изменения. И тот и другой аспекты постоянно протекающего обновления всемирно-исторического процесса в свете современного состояния социальной философии могут быть объективно освещены, если при этом принимаются во внимание, по крайней мере, три уровня этого процесса. Во-первых, уровень наиболее глубокий, который обнаруживает себя как общее и выражается в смене не только основных стадий общественного развития – общественно-экономических формаций, но и стадий промежуточных, межформационных; во-вторых, уровень особенного, который обнаруживает себя в возникновении, сосуществовании и радикальной трансформации локальных цивилизаций; в-третьих, уровень единичного, который проявляет себя в возникновении, существовании, исчезновении или

трансформации неповторимых по своей специфике отдельных социально-политических и этнокультурных организмов вполне определенной формационной и цивилизационной принадлежности.

Все уровни взаимосвязаны: преувеличение роли первого неизбежно ведет к чрезмерному выпячиванию роли необходимости в истории, к объективно-идеалистическому отклонению в интерпретации всемирно-исторического процесса; акцент на втором – к необоснованному преувеличению роли восточных или западных цивилизаций; излишнее акцентирование внимания на третьем уровне ведет к преувеличению роли случайности в истории, к релятивизации общественного развития, к сползанию на позиции субъективного идеализма.

Историческая наука подтверждает, что основные стадии общественного развития – общественно-экономические формации – характеризуются эволюционным типом изменений. Исходными являются изменения производительных сил; за ними следуют изменения экономические, социально-классовые, политико-юридические и духовные. Ведущей движущей силой этих изменений является противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Переходы от одной стадии общественного развития к другой – то есть межформационные стадии – характеризуются революционным типом изменений. Процесс революционных изменений переживают производительные силы (производственная революция), экономический строй (экономическая революция), социально-классовая структура и политико-юридическая надстройка (социально-политическая революция), идеологические учреждения и формы общественного сознания (духовная революция). Внутренней движущей силой этих изменений является конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями. «На известной ступени своего развития, – писал К. Маркс в Предисловии к «Критике политической экономии», – материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения

превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»⁵.

Ввиду комплексности этого переворота и его промежуточности между двумя – низшей и высшей – формациями, его следовало бы, на наш взгляд, обозначать более точным термином «*общественно-экономическая революция*».

Понятие «общественно-экономическая революция» также, как и понятие «общественно-экономическая формация», является предельной абстракцией. Это понятие выражает наиболее общее, существенное и закономерное в смене формаций в ходе развития каждого социального организма или их региональной совокупности. Процесс же революционной смены конкретных общественно-экономических формаций, первобытнообщинной, рентной, капиталистической, естественно, имеет свои специфические черты, и эти черты охватываются понятиями низших уровней, то есть понятиями, характеризующими процесс революционного превращения конкретной низшей формации в конкретную высшую.

До 1980-х гг. в советском обществознании число и характеристика конкретных общественно-экономических революций рассматривались в прямой зависимости от устоявшегося со времени выхода в свет «Краткого курса ВКП(б)» (1938 г.) членения всемирно-исторического процесса на пять формаций – первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Поскольку переход от рабовладельческого строя к феодальному, от феодального к капиталистическому и от капиталистического к коммунистическому напрямую связывался с классовой борьбой эксплуатируемых с эксплуататорами, то наличие в истории антирабовладельческой, антифеодальной (капиталистической) и антикапиталистической (коммунистической) революций рассматривалось в качестве аксиомы. При этом общественно-экономическая революция сплошь и рядом отождествлялась с социально-политической революцией. Поскольку первобытнообщинный строй сменялся строем эксплуататорским, поскольку его утверждение сопровождалось победой угнетателей-захватчиков над трудящимися людьми, то революционный характер перехода

⁵ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

первобытнообщинного строя (первобытного коммунизма) – будь то к рабовладельческому или феодальному – ставился под сомнение. Становление первобытнообщинного строя (первобытного коммунизма) ученые предпочитали обозначать термином «скачок». Конечно, можно с полной уверенностью сказать, что многое из того, что писали К. Маркс и Ф. Энгельс о межформационных революционных стадиях, подтверждается современной общественной наукой. Но здесь важно подчеркнуть, что подтверждается ровно в той мере, в какой подтверждается их учение об общественно-экономических формациях и лежащей в самом фундаменте смены формаций диалектике производительных сил и производственных отношений.

Как следует из ряда работ К. Маркса, в особенности из «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич» (1881 г.), он не отрицал, что многое в его номенклатуре общественно-экономических формаций, а следовательно, и в периодизации общественно-экономических революций носит гипотетический характер. В то же время следует констатировать, что в настоящее время социально-философская теория общественно-экономических революций поднялась на качественно новый уровень. Одновременно со всей определенностью следует заявить, что в ней и в настоящее время содержится немало гипотетического, ведется серьезная полемика по ряду весьма существенных ее положений. Без этого, собственно говоря, социально-философская теория общественно-экономических революций была бы не в состоянии преодолеть большой груз догматизма, который довлел над ней многие десятилетия.

Но, принимая все это во внимание, мы тем не менее должны иметь в виду, что при характеристике общественно-экономической революции как межформационной стадии во всемирно-историческом процессе мы должны обращать внимание прежде всего на то, что эта стадия представляет собой период сосуществования, по крайней мере, двух укладов. В начале этого периода новая, становящаяся формация представлена в лоне старой формации в виде особого общественно-экономического уклада, а в его конце в качестве подчиненного уклада в рамках новой формации выступает старая формация. Конечно, какое-то время в условиях межформационной стадии в тот или иной момент может сложиться и складывается известное равновесие, но важно подчеркнуть, что двухукладность, а то и многоукладность общественной жизни – это су-

щественная черта общественно-экономической революции как объективной стадии всемирно-исторического процесса.

Так, где бы ни происходил процесс революционного превращения феодализма в капитализм, его первой материальной предпосылкой являлось появление в феодальной стране капиталистического уклада, причем, что сразу же надо отметить, первоначально в течение XV–XVIII столетий в принципе на одной и той же материально-технической базе ремесленных орудий производства, которые были характерны и для феодального уклада хозяйства, представленного в средневековых городах множеством ремесленных цехов.

Материально-техническую базу в виде фабрично-заводского машинного производства капиталистический способ производства получает далеко не сразу. Для того чтобы появился зрелый индустриальный капитализм, сначала капиталистический уклад должен был некоторое время просуществовать в виде капиталистической простой кооперации и капиталистической мануфактуры. Хорошо известно, что и в рабовладельческом Риме, и в крепостнической России существовало мануфактурное производство, но ни в том, ни в другом случае оно не послужило предпосылкой индустриальной революции. Только мануфактурное производство, основанное на капиталистическом предпринимательстве, могло создать необходимые условия для промышленного переворота, и уже затем только этот переворот, в свою очередь, смог создать условия для победы капиталистического способа производства во всем мире. А это фактически произошло лишь к концу XIX в.

Когда некоторые наши историки говорят о первом, втором и третьем эшелонах стран, в разное время вступавших на путь капитализма, они, как правило, обращают (и не могут не обратить) внимание на то, что длительность межформационной общественно-экономической стадии перехода от феодализма к капитализму существенно зависит от того, начинает ли формироваться капиталистический уклад в стране до начала эпохи индустриальной революции или его формирование стимулируется внедрением фабрично-заводского машинного производства. Не секрет, что на сегодняшний день есть немало стран, которые вступили на путь капитализма значительно позже первых европейских стран, но уже в XX в. (например, Япония) существенно обогнали их по ряду важнейших экономических показателей. Особенно впечатляют успехи ряда

дальневосточных стран, так называемых «тихоокеанских тигров» (Тайвань, Гонконг, Сингапур и Южная Корея), которые за последние сорок лет во многом опередили европейские страны, так как быстрее начали осваивать достижения, связанные уже с современным технологическим переворотом.

В одном существенном пункте сходный характер с капиталистической общественно-экономической революцией носит и революция, связанная с переходом от первобытнообщинного к классово-антагонистическому, рентному общественно-экономическому строю.

Действительно, классово-антагонистический уклад возникает, как и капиталистический, в лоне предшествующей, в данном случае первобытнообщинной, формации. Отличие же – и немаловажное – заключается в том, что производственная, в данном случае сельскохозяйственная (неолитическая), революция не следовала за возникновением классово-антагонистического, рентного уклада, как это случилось с капиталистическим укладом, а предшествовала или, по крайней мере, сопутствовала складыванию классово-антагонистического, рентного уклада хозяйства. Опять-таки сроки данной межформационной общественно-экономической революции в каждой стране и в каждом регионе были различны. Одно дело – первые классовые общества Передней Азии и Северной Африки, где прибавочный продукт в районах поливного земледелия уже шесть тысяч лет назад начали получать, используя преимущественно каменные или костяные орудия производства, а другое дело, когда прибавочный продукт, порождающий возможность эксплуатации, в Центральной, а тем более Северной Европе (то есть в принципиально новых природных условиях) появился тогда, когда появилась возможность использовать орудия производства, изготовленные из железа.

В исторической литературе иногда можно встретить с мнением, что переход от первобытнообщинного к классово-антагонистическому строю в силу его длительности и постепенности в сравнении с переходом от феодального строя к капиталистическому следует рассматривать не революционным, а эволюционным. Однако такого рода соображения не выдерживают критики. Ведь в данном случае речь идет о характере протекания всемирно-исторического процесса в конкретный исторический период, а не о продолжительности этого периода. По сравнению с сельскохозяйственной

(неолитической) революцией и сопутствующими ей социально-экономическими революционными изменениями весь предшествующий им период развития первобытнообщинного строя, несомненно, является эволюционным.

Третьим следствием теоретического осмысления достижений исторической науки, начатого в начале 1960-х гг. второй дискуссией об азиатском способе производства, явилось внесение в систему категорий социальной философии в качестве полноправной категории понятия «локальная цивилизация» или «цивилизация в узком смысле слова».

Если еще в начале 1970-х гг. проблема цивилизации в работах советских философов, социологов и историков поднималась главным образом в связи с необходимостью показать несостоятельность буржуазных концепций локальных цивилизаций и методологическое превосходство марксистского учения об общественно-экономической формации, то в конце 1970-х гг. стало очевидно, что попытки избежать употребления понятия «цивилизация» при теоретическом освещении всемирно-исторического процесса, стремление объяснить этот процесс исключительно при помощи категорий «общественно-экономическая формация», «способ производства», «базис» и «надстройка», «социальный организм» приводят к громадным методологическим затруднениям. В 1983 г. редколлегия журнала «Новая и новейшая история» публикует содержательные материалы «круглого стола», организованного по ее инициативе и специально посвященного проблеме локальных цивилизаций. С этого момента, как нам представляется, можно считать, что в советском обществоведении понятие локальной цивилизации окончательно получило права гражданства.

Следует отметить, что востоковедение и африканистика, которые в 1960–1970-х гг. особенно продвинулись в исследовании локальных цивилизаций, с начала 1980-х гг. все реже используют понятия «азиатский способ производства» и «азиатская формация». И если эти понятия все еще употребляются, то главным образом для характеристики, с одной стороны, социально-экономического строя раннеклассовых обществ, так называемых первичных цивилизаций, безразлично, цивилизации ли это Древнего Востока III тыс. до н. э. или цивилизации Мексики и Перу XV в., а с другой – наиболее общих особенностей развития восточных цивилизаций, прежде всего, арабо-

мусульманской, индийской и китайской, в отличие от античной, византийской и западноевропейской средневековой цивилизаций. В то же время востоковеды не только сохранили понятия «Запад» и «Восток», но и существенно обогатили их содержание как важнейших понятий теоретической истории. Без обращения к этим понятиям также не представляется возможным раскрыть динамику всемирно-исторического процесса на пути человечества к единой, целостной мировой цивилизации. Подмечено, что линии развития Запада и Востока в какой-то мере образуют единство противоположностей, одновременно и взаимоисключающих, и дополняющих друг друга.

Следует заметить, что в среде российских историков и философов имеет известное распространение не только гипотеза азиатской формации, но и гипотеза рабовладельческой формации. Однако, на наш взгляд, аргументация в поддержку последней не столько подтверждает эту гипотезу, сколько обращает наше внимание на тот факт, что развитие античной, парфянской, индийской и китайской цивилизаций на определенном этапе привело все мелкие, ранее самостоятельные социально-этнические организмы и цивилизации определенного ареала к объединению в рамках обширных империй, а затем к кризису этих империй. В одних случаях кризис приводил к распаду и гибели этих империй как цивилизаций, а не только как централизованных государств (Западная Римская империя), в других – к трансформации старой цивилизации в новую (Восточная Римская империя трансформировалась в византийскую цивилизацию). Трансформации цивилизаций древнего мира на рубеже I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. приводили к серьезным изменениям в социально-экономическом и политико-правовом строе, но особенно значительными были изменения в духовной сфере общественной жизни: на руинах политеизма возникли монотеистические религии – христианство, манихейство, буддизм, а в Китае – всеобъемлющее этическое учение – конфуцианство.

Конечно, это был перелом всемирно-исторического значения в развитии не только названных цивилизаций, но и всего человечества. История как бы предоставила народам на выбор несколько всеобъемлющих мировоззренческих систем. Но это нисколько не отменяет того факта, что материальное производство новых цивилизаций, безразлично, возникли ли они на руинах старой цивилизации или появились в результате ее трансформации в новую цивилизацию.

лизацию, продолжало оставаться преимущественно натуральным сельскохозяйственным и ремесленным. Таким оно оставалось и в пришедших на смену античной цивилизации западноевропейской романо-германской, византийской и арабо-мусульманской. Никаких сколько-нибудь заметных перемен в производительных силах не произошло и в Китае после трансформации доконфуцианской цивилизации в конфуцианскую. То же самое следует сказать о Парфии, Кушанском государстве и Индии, где рентная формация в этот период серьезного социально-политического и духовного перелома лишь видоизменилась. К этому выводу приводит сравнительно-исторический анализ развития ведущих цивилизаций периода с III в. до н. э. по IV в. н. э.

Конечно, не лишена недостатков и концепция формационного развития, предложенная В. П. Илюшечкиным. Но эти недостатки заключаются отнюдь не в том, что он, следуя классическому выводу К. Маркса о зависимости типа экономического строя от степени развития производительных сил, доказал принадлежность цивилизаций Древнего Востока, а также античной, парфянской, феодальной западноевропейской, византийской, арабо-мусульманской, индийской, китайской цивилизаций к одной и той же рентной формации. Недоработанность его концепции состоит в том, что она обращена преимущественно в прошлое, тогда как методология требует, чтобы эта концепция показала свою применимость к анализу современного и предстоящего развития человечества.

Глубинно общим для большинства известных в истории локальных цивилизаций является *рентная формация*. В зависимости от того, какая разновидность рентной формации преобладает в данной докапиталистической локальной цивилизации – рабовладельческая, крепостническая, арендная или их своеобразное сочетание – каждую из них можно отнести к определенным разновидностям рентной общественно-экономической формации, то есть к особенному. Но основная специфика и в то же время главное отличие локальной цивилизации от рентной формации состоит в том, что она выступает не только как особенное, но и как отдельное в структуре всемирно-исторического процесса. Причем это отдельное – особого рода, включающее в себя большее или меньшее количество отдельных социально-экономически и культурно более

или менее сходных этносоциальных организмов и политических образований – государств.

Здесь, однако, не может не возникнуть следующий вопрос. Если мы, с одной стороны, обращаем внимание не только на формационную принадлежность того или иного социального организма, но и на его цивилизационную принадлежность, то есть наряду с его общими, формационными признаками выделяем еще и его особенные, цивилизационные признаки, а с другой стороны, подчеркиваем тот факт, что цивилизацию никак нельзя сводить к особенному, то есть к общему низшего порядка, что цивилизация представляет собой, подобно социальным организмам, из которых она состоит, отдельное – устойчивое – единство общего, особенного и единичного (причем это отдельное существует в конкретном пространстве /регион, ареал/ и времени /эпоха, историческая ситуация/), то нельзя ли и формацию, в данном случае рентную, представить не только как общее, но и как отдельное, состоящее из цивилизаций рентной формационной принадлежности, занимающее определенный ареал, расширяющееся во времени и пространстве. Ведь цивилизации рентной формации первоначально возникли во вполне определенной географической полосе (субтропические районы, долины больших рек) и во вполне определенное время (IV–III тыс. до н. э.), а рентная формация породила, в свою очередь, другую, капиталистическую формацию также на вполне определенных географических широтах, в определенном регионе и во вполне конкретное время – в XVI–XVIII вв.

На наш взгляд, поставленный вопрос носит методологический характер, и корректный ответ на него можно дать только в том случае, если к осмыслению социально-философской категории «общественно-экономическая формация» подключается не только общеполитическая категория «общее», но и категория «отдельное». Представление о рентной формации не только как об общем, но и отдельном дает возможность провести сравнение рентной формации с предшествующей ей первобытнообщинной формацией и следующей за ней капиталистической формацией не только на глубинном, сущностном уровне, то есть сравнивая структуру формаций, состав сфер общественной жизни, их основные законы функционирования и развития, но и на уровне явления, то есть на уровне социальных организмов, указывая на отличие в характере соци-

альных организмов и в характере их взаимодействия друг с другом и с социальными организмами другой формационной принадлежности – первобытнообщинной и капиталистической.

Отсюда следует, что понятие общественно-экономической формации должно включать в себя указание не только на то, что это и тип общества, и стадия общественного развития, отличающаяся как низшая от высшей, но и на то, что она характеризуется качественно особым составом социальных организмов, более того, качественно особым составом тех социальных организмов, которые выступают в роли ее социальной периферии. Чтобы это уяснить, достаточно посмотреть на существенное отличие социальной периферии цивилизаций рентной формации (она складывалась в значительной степени из родоплеменных первобытнообщинных образований) от социальной периферии государств капиталистической формации, всех стадий ее развития вплоть до настоящего времени. Без этого аспекта, на наш взгляд, понятие общественно-экономической формации в исторической науке во многом утрачивает свое методологическое значение.

Последнее дополнение может показаться излишним, но это лишь на первый взгляд. На самом же деле оно вполне соответствует тезису К. Маркса, что история ничего сама по себе не делает, что историю делают люди. Перефразируя этот тезис, можно сказать, что общественно-экономическая формация ничего не делает сама помимо цивилизаций и социальных организмов, из которых она состоит.

Рассмотрение не только социальных организмов и локальных цивилизаций, но и общественно-экономических формаций в качестве отдельного дает возможность корректно решить вопрос о соотношении понятий «стадия общественного развития» и «историческая эпоха», которые в обществоведческой литературе нередко смешиваются.

Понятие «стадия развития» схватывает общее, глубинное в развитии, безотносительно к тому, идет ли речь об отдельном социальном организме, цивилизации или формации. Это может быть стадия развития формации, цивилизации, этнической общности или государства как целостности, но это может быть и стадия развития их технико-технологической, экономической, социальной, политической и других сфер общественной жизни.

Стадиальный подход к исследованию всемирно-исторического процесса призван отразить, прежде всего, равномерность и поступательность в развитии общества. Иногда в литературе можно встретить утверждение, будто понятие «прогресс» не применимо к всемирно-историческому процессу. Но такие утверждения противоречат исторической науке. Чередование формаций в истории человечества происходит по линии прогресса, по линии восхождения человечества от низшей ступени производительных сил к высшей. И этот факт опровергнуть невозможно. Прежде всего, сами переходы от первобытнообщинного способа производства к рентному, а от него – к капиталистическому представляют собой скачки прогрессивной направленности, общественно-экономические революции в подлинном смысле слова. И в развитии самой рентной формации (если мы будем рассматривать ее как общее в отдельных социальных организмах и цивилизациях и примем во внимание степень развития производительных сил и тип соответствующих этой ступени производственных отношений) не было такого момента, когда бы прогресс сменился регрессом. Застой и даже упадок хозяйственной и духовной жизни одних государств и цивилизаций рентной формации компенсировались ускорением развития других. Исчезновение некоторых социальных организмов в одних регионах компенсировалось появлением еще большего числа новых социальных организмов в тех же самых или других регионах. В связи с этим непрерывно расширялся ареал цивилизаций на азиатском, африканском, европейском и американском континентах, ни на один год не прекращался рост численности населения и объема природных ресурсов, вовлекаемых человечеством в хозяйственную жизнь, причем темпами более быстрыми, если сравнивать их с темпами развития мира первобытного, нецивилизованного.

Стадиальный подход к исследованию цивилизаций обязан учитывать, что для развития каждой цивилизации характерна *циклическость*. Историческая наука уже к началу XX в. накопила достаточно материала, свидетельствующего о том, что подавляющее большинство так называемых первичных цивилизаций, где бы и в какое бы время они ни появлялись – в Азии, Европе, Африке, Америке, в своем развитии проходило стадии возникновения, подъема, апогея, застоя, упадка и развала. И если многим из них не удавалось пройти такой цикл полностью, то это объяснялось главным

образом не зависящим от их воли воздействием окружающей исторической среды, причем преимущественно вторжениями периферийных родоплеменных образований, вступавших в стадию разложения своих первобытнообщинных отношений. Этим периферийным образованиям удавалось обычно прервать цикл развития цивилизации на стадии ее упадка, как это случилось с античной цивилизацией в регионе Западной Римской империи в результате нашествия германских варварских племен в IV–V вв., или на стадии застоя цивилизации, как это неоднократно происходило с китайской цивилизацией, и в последний раз в середине XVII в., когда Китай был завоеван маньчжурскими племенами. Лишь христианской западноевропейской цивилизации удалось вырваться за рамки замкнутого цикла, свойственного всем цивилизациям рентной формации, и приобрести черты другой, более высокой, капиталистической формации, подчиняющейся другим законам функционирования и развития.

И движение докапиталистических цивилизаций в рамках замкнутого круга, и прорыв западноевропейской христианской цивилизации за рамки такого круга социальная философия (в отличие от исторического идеализма О. Шпенглера, А. Тойнби и других) он ищет не в каких-то мистических свойствах, присущих столь сложным общественным формированиям, как цивилизации, а в объективных законах всемирно-исторического процесса и откровенно признает тот неоспоримый факт, что наряду с бесспорными достижениями в этой области тем не менее многое остается в ней необъясненным.

Как ни велико значение стадийного подхода к объяснению всемирно-исторического процесса, в частности смены в этом процессе общественно-экономических формаций и цивилизаций, этот подход не всемогущ.

В понятие «стадия развития» имплицитно входит представление о равномерности, ритмичности, последовательности в историческом чередовании стадий общественного развития. Понятие же «историческая эпоха» отражает историческую ситуацию в развитии формации, цивилизации или отдельных социальных организмов. Смена ситуаций определяется, с одной стороны, неравномерностью развития сфер общественной жизни в социально-политическом организме, цивилизации и формации, с другой стороны, неравномер-

ностью развития социально-политических организмов и цивилизаций на международной арене, и, наконец, несовпадением в одном и том же социальном организме стадий цивилизационного и формационного развития.

Любой подход к изучению того или иного явления или, иначе, любой метод его научного исследования представляет собой не что иное как аналог структуры, функционирования этого явления. Осуществление этого метода в литературе очень часто обозначается термином «идеализация». Осуществляя гносеологическую процедуру идеализации, мы отвлекаемся от массы несущественных, затемняющих или искажающих сущность явления деталей. Если, как мы уже показали, применение процедуры идеализации не может одинаково применяться при определении стадий общественного развития, формаций, цивилизаций, этносов, государств, да и всего всемирно-исторического процесса, то естественно, что и ситуационный метод не может одинаково применяться ко всевозможным ситуациям, складывающимся на пути всемирно-исторического процесса.

Ситуационный, эпохальный подход призван отразить пестроту, зигзагообразность, многообразие, вариантность всемирно-исторического процесса, принципиальную несводимость судьбы отдельных социальных организмов и цивилизаций к общим законам развития и смены формаций, в частности, объяснить в деталях, почему они до сих пор развивались именно так, а не иначе. В равной степени этот подход не позволяет и своеобразие всего протекавшего по сию пору всемирно-исторического процесса свести исключительно к общим законам развития и смены тех же известных на сегодняшний день формаций (первобытнообщинной, рентной, капиталистической). Тем более что с развитием всего общественнонаучная номенклатура этих формаций неизбежно будет изменяться. При ситуационном подходе невозможно отвлечься от выяснения вопросов, каково же соотношение разных сфер общественной жизни в данном и сопряженном социальных организмах, окружена ли данная цивилизация первобытнообщинными родоплеменными образованиями или с нею соседствуют и другие цивилизации, находится ли эта цивилизация в стадии подъема, апогея, застоя, упадка или распада. Те же требования предъявляет ситуационный подход и к анализу этнокультурных

общностей и социально-политических организмов, входящих в состав той или иной цивилизации.

Эпохальный подход обязателен и в том случае, если мы рассматриваем конкретную общественно-экономическую формацию как отдельное. Понятие «всемирно-историческая эпоха» указывает на доминирование во всемирно-историческом процессе социальных организмов и цивилизаций определенной формационной принадлежности. Так, в развитии рентной формации достаточно четко выделяются: 1) эпоха сосуществования составляющих ее социальных организмов с первобытнообщинными племенными образованиями, когда эти организмы шли в авангарде прогресса, но все же представляли собой островки в мире первобытности; 2) эпоха явного доминирования цивилизаций рентной формации над родо-племенными общинными образованиями (примерно с середины II тыс. до н. э. до середины II тыс. н. э.); и, наконец, 3) эпоха сосуществования цивилизаций рентной формации с государствами капиталистической формации, когда первые уступили последним свое лидерство во всемирно-историческом процессе.

До последней четверти XVIII в. капиталистическая формация была представлена всего двумя государствами – Англией и Нидерландами, а все остальные страны, включая феодальные государства Европы и их колонии, принадлежали к рентной или первобытнообщинной формациям. И если учесть, что не только феодальные Испания и Португалия вплоть до XIX в. сохраняли в своих колониях феодальные и рабовладельческие порядки, то вполне объективным представляется вывод, что три столетия – XVI, XVII и XVIII – составляют эпоху перехода на международной арене от рентной формации к капиталистической. Окончание этой эпохи ознаменовано, с одной стороны, революционным отделением от Англии ее североамериканских колоний, а с другой – началом промышленного переворота в Англии, а затем и в других европейских странах. При этом несомненно, что европейская цивилизация во всемирно-историческом процессе доминировала в ряду других цивилизаций.